

Верхнее Потисье – особый историко-географический регион на северо-восточной окраине Карпатской котловины, по современному политико-административному делению включающий Закарпатскую область Украины, восточную часть Словакии, северные районы Саболч-Сатмарской области Венгрии, Сату-Марский и Байя-Марский уезды Румынии. Регион характеризуется природной замкнутостью, густой сеткой рек, притоков верхнего течения р. Тисы, ещё Иорданом (Гетика 33) названной “великой и славной рекой Тизией”, и наличием нескольких экологических ниш (горная, предгорная, низменная). Несмотря на своё положение, с хорошей естественной защитой, эта территория на отдельных этапах своей истории испытала не только культурное влияние и импульсы со смежных земель, но и оказалась объектом проникновения и внедрения инородных элементов, значительно повлиявших на формирование местных культур (Котигорошко 1995, 4-5). Среди этих инвазий выделяется дакийская, определившая социально-экономическое и культурное развитие населения региона на рубеже нашей эры.

Установление даты первоначального появления даков в Верхнем Потисье связано с определёнными трудностями. В первую очередь отметим отсутствие унификации в употреблении этнонима “даки” в научной литературе. Так, отдельные румынские учёные определяют как даков автохтонное северофракийское население юго-восточной окраины региона V-IV вв. до н.э., составлявшее группу Санислэу-Нир (Румыния) (Crişan 1966), однако, синхронная ей куштановицкая группа памятников (Закарпатье) (VI-IV вв. до н.э.) с даками ими уже не связывается. Такая атрибуция культур напоминает поиск генетических корней, популярный в наше время, выплывающий из современных территориальных границ государств, а не из реалий историко-географического деления в древности.

Исходя из анализа данных античных и средневековых авторов (Цезарь, Помпей Трог, Тацит, Птолемей, Иордан и др.) считаем, что этноним “даки”, будучи собирательным, является в определённой мере условным (исходя из наличия десятков различных племён в Карпатском ареале) и только с такой оговоркой употребим для обозначения всего северофракийского массива I в. до н.э.-IV в. н.э. (Прохненко 2002, 189). С незначительной ретроспективой возможно его применение в отношении отдельных территорий, в первую очередь, района гор Орештие, где происходило формирование дакийской культуры, со II в. до н.э. Археологически, выход даков на историческую арену Карпато-Дунайского ареала, сопоставим с появлением “классических даков”, отнесённых И.Г. Кришаном (1969, 152) к третьей фазе развития дакийской культуры (100 г. до н.э.-106 г. н.э.).

Сложности установления времени первого внедрения даков в Верхнее Потисье во многом вызваны монотничностью их с местным субстратом и значительным, точнее сказать определяющим, влиянием на материальную культуру как первых, так и вторых со стороны кельтов, что в большинстве случаев не позволяет отличить пришлое население от родственного ему субстрата.

Проблемы создаёт и неравномерность исследования дакийских памятников в разных частях Верхнего Потисья. Так, на фоне значительного количества сравнительно хорошо исследованных пунктов на территории Закарпатской области Украины и Восточной Словакии, остальные части региона в вопросе рассмотрения памятников “классических даков” пока остаются белыми пятнами. Картографирование древностей рубежа н.э., происходящих из 60 пунктов, показывает три основных района их концентрации: бассейн Тисы-Самоша, верхних притоков Бодрога и верховьев Горнада (Котигорошко 1995, рис. 8). Возможно, существующая на данный момент особая концентрация памятников на крайней северной границе дакийского массива I в. до н.э. и незначительное их количество в Венгрии, вызваны тем, что на территории последней дакийская проблематика не была предметом целенаправленных изысканий, в отличие от Закарпатья, где она разрабатывается в ходе многолетних раскопочных и разведывательных работ экспедиции Ужгородского университета во главе с Котигорошко В.Г. То явление, что на отдельных территориях региона проблематика не относилась к числу приоритетных, определило отсутствие специалистов, её изучающих. Ограниченность полевых исследований и публикаций материалов с этих районов привела к сужению разработок и нерешённости ряда кардинальных вопросов истории региона рубежа н.э. Незначительные работы в Северной Венгрии и скудность материалов с сопредельных районов Румынии на сегодняшний день не позволяют достаточно полно очертить картину расселения даков в Верхнем Потисье.

Исходя из известных на сегодня данных полевых исследований, можно утверждать о проникновении незначительного контингента даков в восточную часть региона (городища Солотвино и Белая Церковь) уже во II в. до н.э. (Котигорошко, 2003, 52). Относительно Восточной Словакии, то П. Юречко (1983, 438) определил их появление здесь на основе немногочисленных селищных находок ступенью LT C. По его мнению, сюда они проникли с кельтами под давлением носителей культуры Поянешть-Лукашевка (?). Более убедительна аргументация А. Точика (1959), определившего начало проникновения трансильванских племён в Словакию – 100 г. до н.э. Период I в. до н.э.-I в. н.э. назван им кельто-дакийским горизонтом. Его этнослагаемыми, как считает Б. Бенадик (1980, 192), были кельты и даки. Последние, согласно М. Ламиевой-Шмиедловой (1977, 201-208), в Восточной Словакии представляли незначительную часть населения. Введённый в научный обиход в 1955 году А. Точином для древностей рубежа н.э. северной части Карпатской котловины термин кельто-дакийский горизонт применялся и продолжает применяться не только для Юго-Западной и Восточной Словакии, а и для сопредельных районов Венгрии и Закарпатья.

В 90-х гг. XX в. В.Г. Котигорошко (1995, 39-40) пересмотрел правомерность использования термина “кельто-дакийский горизонт” и определил его как не отвечающий этнополитической ситуации, сложившейся на рубеже н.э. на северной периферии Карпатской котловины. Известные памятники Верхнего Потисья рубежа н.э. позволили исследователю определить их как древности дакийской культуры с чётко выраженной “кельтской вуалью” в сфере материального производства, не исключая и сохранение части кельтского населения.

Этнополитическую историю ареала после разгрома даками Буребисты около 60-го года до н.э., на Среднем Дунае объединённого войска бойев и таврисков под руководством Критасира (Страбон, VII, III, 11) В.Г. Котигорошко (1995, 40) охарактеризовал как новый этап, определяемый, с одной стороны, гибелью кельтской цивилизации, а с другой, установлением гегемонии даков и широким распространением их культуры в Карпато-Дунайском ареале.

Как бы там ни было, основная инвазия дакийских племён в Верхнее Потисье связана с именем царя даков Буребисты. После проведения им объединительной политики даки заняли господствующее положение в ареале, что проявилось в активизации агрессивной внешней политики. В результате, были не только разгромлены кельты, а и захвачены северо- и западнотимокские полисы (Crişan 1977, 257). Вместе с тем даки вступили в постоянные конфликты с римлянами в Подунавье, что определило дальнейшую канву их внешнеполитических действий вплоть до уничтожения северофракийской государственности в 106 г. н.э. под ударами легионов Марка Ульпия Траяна.

В данном контексте нас больше интересуют действия даков на северо-западе их объединения. Здесь, после разгрома кельтов, войска Буребисты не продвинулись дальше бассейна р.Моравы, а на территории Северо-Западной Словакии создали крепости Девин и Нитрянский Градок (Crişan 1992, 27-35), определившие крайнюю северо-западную точку дакийского проникновения.

В Верхнем Потисье экспансия даков Буребисты ознаменовалась с одной стороны прекращением жизнедеятельности на кельтском оппидуме Галлиш-Ловачка, а с другой – возведением городищ, наиболее мощными из которых были Земплин и Малая Копаня, отождествляемые с птолемеевскими Сусудавой и Сетидавою (Vichir 1996, 191). Эти пункты, относящиеся к категории дав (политические, экономические и религиозные центры определённых территорий), выполняли роль северных форпостов государства Буребисты. Отметим, что именно процесс формирования государственного аппарата единой Дакии определил повышение фортификационной активности на всей территории страны, а не желание отдельных племенных центров обезопасить себя от вторжения соседей. Именно давы стали первыми политическими центрами в ареале, возведение которых было совершено по запросу времени и под контролем единого государства.

В современной историографии (Котигорошко 1991, 143) отмечается, что прекращение функционирования кельтских центров не привело к уничтожению достижений латенской цивилизации, к застою в местной экономике. Развитие материальной культуры верхнетисских племён продолжалось. Внедрение в северофракийский массив этнически родственных племён с юга способствовало распространению в регионе в значительной степени латенизированной дакийской культуры, что подтверждается керамическими комплексами поселений и могильников, а также совмещением местных и дакийских элементов в домостроении. “Кельтская вуаль”, возможно, также является проявлением не полного истребления и отхода кельтов с данной территории. Вероятно, категорией кельтского населения, не подлежащей уничтожению, были ремесленники, ставшие в основе развития металлургии даков и много в чём определившие их керамическое производство. Подобное отношение к ремесленникам было в духе Буребисты, что особенно отчётливо проявилось в участии греческих инженеров в возведении каменных стен дакийских крепостей в горах Орештие.

На сегодняшний день полевые исследования позволяют утверждать не о проникновении незначительного контингента даков в Верхнее Потисье, как это было представлено вышеназванными словацкими и отдельными отечественными учёными (Бідзіля 1971), а о планомерном оседании, значительном заселении даками территории всего региона и включении этих земель в состав государственных образований Буребисты, что сохранилось и позднее, в царствование Диурпанея и Децебала.

В ходе археологических исследований последнего десятилетия экспедиции Ужгородского университета на ключевом региональном памятнике даков – Малокопанском городище, прослежен горизонт уничтожения, датируемый 20-ми годами I в. н.э., что в контексте рассмотрения исторической ситуации в северной и северо-восточной частях Карпатского бассейна (появление дополнительного дакийского компонента в пуховской культуре, возникновение липицкой культуры в Верхнем Поднестровье), свидетельствует об определённых этнических сдвигах на этих территориях в первой половине I в. н.э.

Здесь необходимо обратиться к проблеме формирования нового круга дакийских памятников – липицкой культуры, как наиболее чёткого индикатора проникновения и расширения ареала дакийской культуры на северо-восток, за пределы Карпатского хребта.

Словацкие исследователи единогласно объявляют носителями липицкой культуры население западной части Верхнего Потисья старшей фазы раннеримского периода. Некоторые разногласия существуют лишь в вопросе её возникновения. Так, Т. Кольник (1980, 207), считает, что липицкая культура формируется из кельто-дакийского горизонта под воздействием импульсов и перемещения населения из Дакии, П. Юречко (1983, 439) и М. Ламиева-Шмиедлова (1977, 207-208) связывают появление её носителей с областью Верхнего Поднестровья.

В этом аспекте особняком стоит мнение В.Г. Котигорошко (1995, 25), считающего необоснованным утверждение о присутствии липицкой культуры в Верхнем Потисье. Своё мнение он аргументирует отсутствием здесь как погребений, так и поселений её носителей. Керамическая посуда, положенная в основу вывода словацких исследователей, характерна для всей территории, занимаемой дако-гетскими племенами и наряду с другими этнографическими чертами свидетельствует о единстве материальной культуры северофракийского этнического массива в I в. н.э. Анализ материальной культуры всего ареала распространения дакийских древностей позволяет утверждать, что липицкая группа памятников была северо-восточной периферией ареала дакийской культуры.

Известные на сегодняшний день археологические данные не только подтверждают мнение В.Г. Котигорошко об отсутствии липицкой культуры в Верхнем Потисье, но и позволяют её памятники в Прикарпатье рассматривать не как самостоятельную культуру, а как группу памятников с полиэтническими слагаемыми компонентами (Этнокультурная... 1985, 34). Доминантом в создании этой группы выступили даки и здесь важнейшим выступает вопрос об установлении максимально точной даты их проникновения за Карпаты с основной территории распространения. Хроноиндикаторы памятников, в первую очередь могильников, свидетельствуют о проникновении даков в Прикарпатье в 20-х гг. I в. н.э. Этот процесс хронологически совпадает с появлением дополнительного дакийского компонента в пуховской культуре (Pieta 1982, 307).

Событием, которое инициировало волну дакийского проникновения за Карпаты, могла быть первая волна сарматов (языгов) в Тисо – Дунайское междуречье, которые, по словам Плиния Старшего (HN, IV, 25), вытеснили даков на север, в горы. Даки, изгнанные со своих насиженных мест, двинулись на север и северо-восток. Возможно, свидетельством именно этого передвижения было вышеназванная военная катастрофа Малой Копани, после которой городище быстро восстановилось и жизнедеятельность на нём продолжалась до начала II в. н.э. Родственность пришедших из Тисо-Дунайских земель и местных даков не позволяет на сегодняшний день решить вопрос о том, кто из соперников одержал победу и, соответственно, прошли ли пришлые даки транзитом на север и северо-восток, или они вытеснили туда часть насельников Верхнего Потисья.

В любом случае, классическая дакийская культура продолжает развиваться в Верхнем Потисье до конца I - начала II вв. н.э., когда фиксируется заключительный этап дакийского проникновения в регион в ходе дако-римских войн эпохи Домициана и Трояна). Переселенческая волна достигла своего апогея в завершающей фазе войн (105-106 гг.), что отображено у Диона Кассия в его пассаже про отход на север “вольных даков”, которые не захотели оставаться под иноземным владычеством (Cass. Dio, LXII, 3, 3; LXXVIII, 27, 5).

Подводя итоги вышеизложенному, выделяем четыре основных археологически фиксируемых этапа проникновения даков в Верхнее Потисье: 1) инвазия незначительного контингента во II в. до н.э., связанная с солотвинскими солерудниками; 2) мощная миграционная волна и оседание в период экспансии Бурбисты (60 г. до н.э.); 3) проникновение на территорию региона дакийского населения под давлением сарматов с Тисо-Дунайского междуречья; 4) отход даков на север в ходе дако-римских войн.

В отношении племенной принадлежности населения Верхнего Потисья, наиболее обоснованной может быть гипотеза В.Г. Котигорошко (2003, 66-67), который на основании анализа двух эпитафий из Рима (Кудрявцев 1950) и свидетельства Дио Кассия (Cass. Dio, LXXI, 12, 1) считает возможным определить население Верхнего Потисья как племена костобоков.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- Бідзіля, В.І. 1971: *Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери*, Київ, 182 с.
- Иордан, 1960: *О происхождении и деяниях гетов*, Москва, 436 с.
- Котигорошко, В.Г. 1995: *Фракийцы Верхнего Потисья (III в. до н.э. – IV в. н.э.)*, Ужгород, 130 с.
- Котигорошко, В.Г. 2002: *Племена Верхнего Потисья на рубеже и в первых веках н.э., Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.)*, Тирасполь, с. 332-337.
- Котигорошко, В.Г. 2003: *Верхне Потисся в контексті стародавньої історії Карпато – Дунайського ареалу (навчальний посібник)*, Ужгород, 128 с.
- Кудрявцев, О.В. 1950: *Вторжение костобоков*, ВДИ, 3, с.57-69.
- Прохненко, І.А. 2002: *Свідчення античних авторів про даків*, Carpatica – Карпатика. Карпати в давнину, Ужгород, с. 188-197.
- Страбон, 1964: *География*, Ленинград, 940 с.
- 1985: *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.*, Киев, 184 с.
- Benadik, B. 1980: *Doba laténska*, SA, XXVIII, 1, s.191-196.
- Bichir, Gh. 1996: *Dacii liberi din nordul Daciei*, Thraco-Dacica, XVII, p. 191-202.
- Crişan, I.H. 1966: *Materiale dacice din necropola și așezarea de la Ciumești și problema raporturilor dintre daci și celți în Transilvania*, Baia Mare, 95 p.
- Crişan, I.H. 1969: *Ceramica daco- getica*, București, 363 p.
- Crişan, I.H. 1977: *Burebista și epoca sa*, București, 530 p.
- Crişan, I.H. 1992: *Granița de Nord-Vest a Daciei*, Ephemeris Napocensis, II, p. 27-36.
- Jurečko, P. 1983: *Výskum v Trstenom pri Hornáde. (K problematike osídlenia východného Slovenska v závere 1. tisícročia pred n.e.)*, SA, XXXI, s. 415-442.
- Kolnik, T. 1980: *Doba rimska a doba st'ahovania národov*, SA, XXVIII, 1, s.197-212.
- Lamiová-Schmiedlová, M. 1977: *Ältere Römische Kaiserzeit in der Ostslowakei*, Symposium ALZAG, s. 201-208.
- Pieta, K. 1982: *Die Puchov-Kultur*, Nitra, 311 s.
- Točík, A. 1959: *K otázke osídlenia juhozápadného Slovenska na zlome letopoštu*, AR, 6, s. 841-873.